

ОБ ОКОНЧАНИЯХ ТВОРИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА В ЯЗЫКЕ ПРОЗЫ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА В КОНТЕКСТЕ ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЙ ТРАДИЦИИ

С.Г. Мамечков, М.Н. Шевелёва

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; mamechkov@list.ru; mnsheveleva@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о распределении односложных и двусложных окончаний творительного падежа единственного числа *-ой (-ей) / -ую (-ею)*, а также *-ью / -ию* в языке лермонтовской прозы (романа «Герой нашего времени») в сравнении с предшествующей традицией — прозой А.С. Пушкина, его современника А.А. Бестужева-Марлинского и с прозой Н.М. Карамзина. Обнаруживается как общая динамика в распределении этих окончаний в пользу расширения употребления односложных флексий, так и индивидуальные особенности пушкинской художественной прозы, отличающие ее от предшествующей и последующей традиции, и индивидуальные особенности прозы М.Ю. Лермонтова. В прозе Карамзина и прозе Бестужева-Марлинского преобладают двусложные окончания с факультативным проникновением односложных вариантов без их специального распределения, сходная картина с некоторым увеличением частотности односложных форм наблюдается в нехудожественной прозе Пушкина, в пушкинской же художественной прозе односложные окончания вводятся в конструкции с несколькими формами Т. п. для достижения количественного баланса синтагмы, придания ей «легкости». В лермонтовской прозе односложные окончания Т. п. в целом более употребительны сравнительно с предшествующей традицией, при этом части романа в данном отношении неоднородны: близкие к традициям романтической прозы «Бэла» и «Тамань» более консервативны, в то время как в «Княжне Мери» односложные окончания решительно преобладают — реалистическая проза Лермонтова ориентируется, как можно полагать, на естественное употребление.

Ключевые слова: односложные и двусложные окончания творительного падежа единственного числа; пушкинская проза; проза Лермонтова; динамика литературной нормы

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-02-5

Для цитирования: Мамечков С.Г., Шевелёва М.Н. Об окончаниях творительного падежа единственного числа в языке прозы М.Ю. Лермонтова в контексте предшествующей традиции // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 2. С. 58–69.

ON INSTRUMENTAL SINGULAR CASE ENDINGS IN LERMONTOV'S PROSE IN THE CONTEXT OF THE PREVIOUS TRADITION

Stepan G. Mamechkov, Maria N. Sheveleva

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; mamechkov@list.ru;
mnsheveleva@mail.ru*

Abstract: The paper deals with the distribution of monosyllabic and two-syllable endings of Instrumental case -ою (-ей) // -ою (-ею) and -ью/-юю in Lermontov's prose (*A Hero of Our Time*) compared to the previous tradition — A. Pushkin's prose, A. Bestuzhev-Marlinsky's and N. Karamsin's prose. Both the overall growth of frequency of monosyllabic endings as well as the individual peculiarities of Pushkin's fiction, that distinguish it from the previous and subsequent traditions, and the individual features of Lermontov's prose are examined. In Karamsin's and Bestuzhev-Marlinsky's prose two-syllable endings predominate with sporadic penetration of monosyllabic variants without their special distribution. A similar picture with a slight increase in frequency of monosyllabic forms is observed in Pushkin's non-fiction prose, but in his fiction monosyllabic endings are introduced into constructions with several forms of Instrumental case to achieve a certain quantitative balance of syntagma, make it "lighter". In Lermontov's prose monosyllabic endings of Ins sg are generally more common than in the previous tradition, although the parts of the novel are heterogeneous: "Bela" and "Taman", close to the traditions of romantic prose, are more conservative, while in "Princess Mary" monosyllabic endings strongly dominate — as it can be assumed, Lermontov's realistic prose is oriented towards the real language usage.

Keywords: monosyllabic and two-syllable endings of the Instrumental singular case; Pushkin's prose; Lermontov's prose; evolution of literary norm

For citation: Mamechkov S.G., Sheveleva M.N. (2025) On Instrumental Singular Case Endings in Lermontov's Prose in the Context of the Previous Tradition. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 2, pp. 58–69.

Как известно, в русском литературном языке первой половины XIX в. двусложные окончания Т. п. ед. ч. ж. р. -ою (-ею) преобладали над односложными окончаниями -ой (-ей), которые оценивались в грамматиках как просторечные [Греч 1827: 94], — прямо противоположно ситуации в современном русском языке, где двусложные варианты этих окончаний периферийны, используются преимущественно в поэзии и трактуются как архаизмы [Зализняк 1977: 26; АГ 1980: 489; см. также Кукушкина 2016: 205]. Сходная, хотя несколько более продвинутая ситуация наблюдается в отношении односложных и специфически книжных двусложных окончаний Т. ед. суще-

ствительных III склонения *-ью* и *-ию*.¹ При этом в беллетристику начала XIX в. односложные окончания Т. ед. *-ой* (*-ей*) несомненно проникают [Булаховский 1954: 108] — правда, традиционно считалось, что в языке русской прозы этого времени они используются как факультативные варианты двусложных окончаний и не имеют какого-либо распределения по отношению к двусложным формам.

Как показали наши предшествующие исследования, в действительности распределение этих форм в рассматриваемый период существенно менялось, причем обнаруживается как общая хронологическая динамика в распределении односложных/двусложных окончаний Т. п. ед. ч., так и индивидуальные особенности разных авторов. Оказалось, что этот незначительный, на первый взгляд, морфонологический параметр выявляет показательные различия языка прозаических текстов первой половины XIX века².

Данная статья посвящена исследованию по названному параметру языка прозы М.Ю. Лермонтова, а именно романа «Герой нашего времени» в сопоставлении с предшествующей литературной традицией конца XVIII — начала XIX века — прозой Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина и современника Пушкина А.А. Бестужева (Марлинского).

Обнаружилось, что, если в прозе Карамзина и Бестужева-Марлинского, а также в нехудожественной прозе Пушкина в распределении односложных vs двусложных окончаний Т. ед. наблюдается картина, в целом сходная с традиционно описываемой для литературного языка начала XIX в. (преобладание двусложных окончаний и факультативная допустимость окончаний односложных без какого-либо специального их распределения, см. выше) с некоторой хронологической динамикой в сторону увеличения числа одно-

¹ Напомним, что односложные окончания Т. ед. *-ой* (*-ей*) возникают в результате действия в истории русского языка тенденции к факультативному или обязательному отпадению конечного безударного нередуцированного гласного, не составляющего самостоятельного морфа [Зализняк 2002: 552–554]; в Т. ед. новый односложный вариант длительное время сосуществовал, а в литературном языке сосуществует до сих пор со старым двусложным. Односложное окончание Т. ед. существительных III склонения (основ на *-*i*) *-ью* [-ju] представляет закономерный результат утраты слабого редуцированного, в то время как двусложная форма на *-ию* — искусственное книжное сохранение гласного *-и*.

² Исследованию распределения односложных и двусложных окончаний Т. ед. (*-ою/-ой*, *-ию/-ью*) в прозе Карамзина, Пушкина, Бестужева-Марлинского посвящены работы [Мамечков, Шевелева 2016, 2020; Мамечков 2022, 2023], где описан материал повестей и «Писем русского путешественника» Карамзина, повестей Бестужева-Марлинского, прозаических текстов Пушкина разных жанров — пушкинской художественной прозы («Повести Белкина», «Дубровский», «Капитанская дочка»), исторического сочинения «История Пугачева», избранных статей о литературе и театре, а также писем Пушкина к Н.Н. Гончаровой-Пушкиной, максимально близких, как можно полагать, к живому языку пушкинского круга.

сложных форм, в пушкинской художественной прозе наблюдаются особые закономерности в распределении этих окончаний, требующие специального внимания. Как выяснилось, значимым фактором для выбора односложного или двусложного окончания Т. ед. в художественной прозе Пушкина оказывается фактор синтагматический: имеем ли мы дело с одиночным существительным в Т. п. ед. ч. или со словосочетанием «прилагательное (местоимение-прилагательное) + существительное» в Т. ед. / многословной конструкцией с соположением нескольких форм Т. п. ед. ч. [Мамечков, Шевелева 2016, 2020] (см. подробнее ниже). Соответственно, описание распределения односложных vs двусложных окончаний Т. ед. и в текстах других авторов — предшественников и современников Пушкина, а также в прозе Лермонтова проведено с учетом этого синтагматического параметра.

В художественных сочинениях Н.М. Карамзина формы Т. п. ед. ч. с двусложными окончаниями во всех позициях доминируют — примеры форм с односложными окончаниями единичны, и эти окончания не имеют никакого особого распределения; см. Таблицу 1.

Таблица 1

Окончания		Повести Карамзина ³		«Письма...» Карамзина ⁴		
Одиночные существительные	I скл. -ою :-ой	53:1		71:0		
	III скл. -ию:-ью	14:4		18:3		
Словосочет. «прил.+сущ. I скл.»	Оба двусложн. -ою +-ою		25		27	
	Хотя бы одно односл.	-ой+-ою	0	Всего: 2	1	Всего: 1
		-ою+-ой	1		0	
		-ой+-ой	1		0	
Словосочет. «прил.+сущ. III скл.»	Оба двусложн. -ою +-ию		15		18	
	Хотя бы одно односл. (-ою+-ью)		6		5	

Сходная картина наблюдается и в художественной прозе чуть более позднего времени — у Бестужева-Марлинского, современни-

³ Рассматривались повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза», «Наталья, боярская дочь», «Остров Борнгольм», «Сиерра-Морена».

⁴ Исследована первая часть «Писем русского путешественника» (письма 1–40) по изд.: Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / Изд. подг. Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский. Л.: Наука, 1987 (Литературные памятники).

ка Пушкина. Здесь примеров форм с двусложными окончаниями Т. ед. немного больше, чем в прозе Карамзина, но все-таки их еще мало, и эти окончания также не имеют распределения (соотношение *-ою/-ой* 51:10 для одиночных существительных и 23:6 для словосочетаний «прил. + сущ.», где хотя бы одна форма имеет односложное окончание) — см. Таблицу 2.

Таблица 2

Окончания		Проза А. Бестужева (Марлинского) ⁵		
Одиночные существительные	I скл. <i>-ою:-ой</i>	51:10		
	III скл. <i>-ию:-ью</i>	14:12		
Словосочет. «прил.+сущ. I скл.»	Оба двусложн. <i>-ою+-ою</i>		23	
	Хотя бы одно односл.	<i>-ой+-ою</i>	2	Всего: 6
		<i>-ою+-ой</i>	2	
		<i>-ой+-ой</i>	2	
Словосочет. «прил. + сущ. III скл.»	Оба двусложн. <i>-ою +-ию</i>		8	
	Хотя бы одно односл. (<i>-ою+-ью</i>)		8	

Особая ситуация, как мы уже говорили, обнаруживается в пушкинской прозе, причем употребление форм Т. ед. в нехудожественных сочинениях Пушкина отличается от их употребления в художественной прозе. В нехудожественных прозаических произведениях Пушкина нет особого распределения рассматриваемых форм, при этом во всех позициях преобладают двусложные окончания — ситуация соответствует основной литературной норме своего времени. В художественной же прозе Пушкина значимым оказывается синтагматический фактор: в атрибутивных словосочетаниях «прил. + сущ.» в большинстве случаев хотя бы один из компонентов имеет односложное окончание (см. Таблицу 3), то же наблюдается и в многословных конструкциях, притом что у одиночных существительных преобладают двусложные окончания Т. ед. Таким образом, в языке пушкинской художественной прозы обнаруживается явная закономерность: в неоднословных конструкциях с формами Т. ед. хотя бы одна из форм, как правило, принимает односложное окончание (чаще препозитивное определение-прилагательное) — тем самым достигается некоторый количественный баланс синтагмы, близкий к ритмическому, удается избежать «нагромождения» форм с двусложными

⁵ Исследованы художественные произведения А. Бестужева-Марлинского «Ночь на корабле», «Ревельский турнир», «Часы и зеркало», «Красное покрывало», «Будочник-оратор», «Месть».

ми окончаниями (см. примеры в [Мамечков, Шевелева 2020]). В этом пункте приоткрывается один из секретов «легкости» пушкинской прозы, избегающей громоздкого повторения двусложных окончаний [Мамечков, Шевелева 2020: 17] (ср. о проблеме ритмики пушкинской прозы в [Томашевский 2008])⁶. Обратим внимание, что в распределении окончаний существительных III склонения *-ию/-ью* в пушкинской художественной прозе наблюдается сходная картина с распределением окончаний *-ою/-ой* — см. Таблицу 3.

Таблица 3

Окончания		Дубров-ский	Капитан-ская дочка	История Пугачева	Письма к жене	
Одиночные существительные	I скл. <i>-ою/-ой</i>	19:9	57:22	52:13	14:26	
	III скл. <i>-ию/-ью</i>	11:7	24:11	19:25	3:6	
Словосочет. «прил.+сущ. I скл.»	Оба двусложн. <i>-ою+-ою</i>		2	9	20	1
	Хотя бы одно односл.	<i>-ой+-ою</i>	6	12	3	1
		<i>-ою+-ой</i>	2	1	1	1
		<i>-ой+-ой</i>	2	5	3	2
Всего:		10	18	7	4	
Словосочет. «прил.+сущ. III скл.»	Оба двусложн. <i>-ою+-ию</i>		2	8	12	1
	Хотя бы одно односл.	<i>-ой+-ию</i>	0	5	1	1
		<i>-ою+-ью</i>	2	3	2	1
		<i>-ой+-ью</i>	4	6	0	1
Всего:		6	14	3	3	

Надо заметить, что употребление окончаний *-ою/-ой* у личных местоимений (*тобою/тобой* и под.) у всех рассмотренных авторов, в том числе в прозе Пушкина, оказывается существенно более консервативным, чем у существительных и прилагательных (см. материал в [Мамечков, Шевелева 2020; Мамечков 2022]).

Итак, рассмотрим в контексте предшествующей традиции распределение односложных/двусложных форм Т. п. ед. ч. в языке прозы Лермонтова. Описание проводится по тем же позициям, что

⁶ К вопросу о распределении двусложных/односложных окончаний Т. ед. *-ою/-ой* в пушкинской прозе в связи с проблемой ее ритмической организации обращался Б.В. Томашевский: он искал решение проблемы в выявлении структуры конечной части фразы (числа безударных слогов) по отношению к ударению [Томашевский 2008: 281–283]. Наш подход предполагает взгляд на распределение этих форм безотносительно к ударению и положению в конечной/неконечной части колона — со стороны их сочетаемости в синтагме.

и применительно к прозе Пушкина, Карамзина, Марлинского, при этом сложность композиционной структуры романа «Герой нашего времени» и неоднородность его частей требует отдельного рассмотрения материала каждой повести в составе романа.

Результаты исследования представлены в Таблице 4. Прокомментируем полученные данные, отличающиеся от данных по распределению соответствующих окончаний в прозе Пушкина и тем более его предшественников и современников, с одной стороны, и имеющие различия между разными частями романа — с другой.

Таблица 4

Окончания		Бэла	Максим Максимыч	Тамань	Княжна Мери	Фаталист					
Одиночные существительные	I скл. -ою :-ой	18:17	2:2	8:3	21:43	3:5					
	III скл. -ию:-ью	2:15	0:0	0:3	2:25	0:1					
Словосочет. «прил. + сущ. I скл.»	Оба двусложн. -ою +ою	4	0	2	2	0					
	Хотя бы одно односл.	-ой+-ою	3	Всего: 5	0	Всего: 4	0	Всего: 32	0	Всего: 0	
		-ою+-ой	0		1		0		4		0
		-ой +-ой	2		3		2		25		0
Словосочет. «прил. + сущ. III скл.»	Оба двусложн. -ою +ию	0	0	0	1	1					
	Хотя бы одно односл. (-ою+-ью)	1	0	4	7	0					
	Оба односл. (-ой +-ью)	2	0	0	11	1					
Многословные конструкции	Все двусложные	0	0	0	0	0					
	Хотя бы одно односложное/все односложные	2/3	0	2/3	2/8	0					

В отличие от прозы Пушкина, в лермонтовской прозе одиночные существительные гораздо чаще имеют односложные окончания: если в «Бэле» число окончаний -ою /-ой примерно равное (18:17, ср. также «Максим Максимыч» — 2:2), то в «Княжне Мери» новые односложные окончания -ой уже значительно преобладают (21:43, ср. «Фаталист» — 3:5). У существительных III склонения преобладание

живых односложных форм на *-ью* над книжными *-ию* еще более существенно, причем опять особенно ярко это проявляется в повести «Княжна Мери» («Бэла» — 2:15, «Княжна Мери» — 2:25). Ср. некоторые примеры:

И слышно было, как он трепал рукою по гладкой шее своего скакуна («Бэла»); ...где катился поток, то скрываясь под ледяною корою, то с пеною прыгая по черным камням («Бэла»); ...колокольчик по временам звенел под дугою («Максим Максимыч»); ...стрелю выскочила из комнаты («Тамань»); она покачала головой («Бэла»); Он был ранен пулей в ногу («Княжна Мери»); Однако ж вы мне должны описать маменьку с дочкой (Там же); Я говорил раза два с княжной... (Там же);

ср. у существительных III склонения: *Извозчики с криком и брашною колотили лошадей («Бэла»); одна только княгиня Лиговская с дочерью («Княжна Мери»); окруженные молодежью (Там же)*⁷.

Особого внимания требует употребление односложных/двусложных окончаний в составе атрибутивных словосочетаний «прил. + сущ.» — позиции, где в художественной прозе Пушкина, в отличие от прозы Карамзина и Марлинского, обнаруживается тенденция к введению односложных окончаний для соблюдения количественного баланса синтагмы. В прозе Лермонтова такой закономерности не наблюдается, однако конструкций с односложными окончаниями в большинстве повестей романа больше, чем с двумя двусложными (ср. «Бэла» — 4:5, «Максим Максимыч» — 0:4, «Тамань» — 2:2); особенно разительное преобладание односложных форм в атрибутивных сочетаниях мы видим в «Княжне Мери», где это соотношение в пользу окончания *-ой* относительно *-юю* составляет 2:32 (!), причем в 25 случаях из 32 односложное окончание *-ой* имеют обе формы в составе словосочетания «прил. + сущ.» — см. Таблицу 4. Столь значительного доминирования односложных окончаний Т. ед. над двусложными в прозе Пушкина не наблюдалось, в особенности — обратим на это внимание — употребления обеих форм с окончаниями *-ой* (напомним, что у Пушкина чаще одна из форм принимает односложное окончание, но не обе — см. выше). Обратим также внимание на то, что по данному параметру язык повести «Княжна Мери» в составе романа отличается от «Бэлы» и «Тамани»: именно в «Княжне Мери» односложных окончаний оказывается решительно больше. Некоторые примеры:

⁷ Личные местоимения в прозе Лермонтова в отношении употребительности окончаний *-юю/-ой*, как и в предшествующей традиции, существенно более консервативны (см. выше), ср. «Бэла» — 14:9, «Княжна Мери» — 39:15, односложные окончания здесь утверждаются со значительным отставанием.

За моею тележкой четверка быков тащила другую («Бэла»);⁸ оставайся полной хозяйкой всего, что я имею («Бэла»); Вот наконец мы взобрались на Гуд-гору, остановились и оглянулись: на ней висело серое облако, и его холодное дыхание грозило близкой бурей («Бэла»); вдали серебряной бахромой сверкали снеговые горы («Княжна Мери»); я дал ей почувствовать очень запутанной фразой (Там же); Росистый вечер дышал упоительной прохладой (Там же).

В словосочетаниях «прил. + сущ. III скл.» примеров с двумя двусложными окончаниями почти нет во всех частях романа (см. Таблицу 4), причем в «Княжне Мери» снова преобладают конструкции с двумя односложными окончаниями. Некоторые примеры: *тянется серебряною нитью («Бэла»); да и с какой целью? («Тамань»); Русские барышни большею частью питаются только платонической любовью («Княжна Мери»); окутанная черной шалью (Там же).*

Сходная картина обнаруживается в многословных конструкциях, при этом здесь примеры со всеми двусложными окончаниями вообще отсутствуют во всех повестях (см. Таблицу 4), ср. примеры: *а внизу Арагва, обнявшись с другой безыменной речкой... («Бэла»); и он верной, но осторожной поступью прошел мимо меня («Тамань»); ...самой милой улыбкою («Княжна Мери»); ...под этой толстой, серой шинелью (Там же); все мои больные заняты этой важной новостью (Там же); Я расхохотался, увидев эту маленькую фигурку под огромной косматой шапкой (Там же)⁹.*

Таким образом, распределение двусложных/односложных окончаний Т. ед. в прозе Лермонтова оказывается более продвинутым в смысле употребительности односложных окончаний сравнительно с предшествующей традицией, в том числе сравнительно с пушкинской прозой. При этом важно отметить, что степень представленности односложных форм в разных частях «Героя нашего времени» неодинакова. Наиболее консервативными в данном отношении оказываются близкие к традициям романтической прозы «Бэла» и «Тамань» — доля односложных форм здесь меньше, чем в других повестях. Напротив, в «Княжне Мери», фактически представляющей собой светскую повесть [Вацуро 1981: 449], решительно

⁸ Местоимения-прилагательные по поведению исследуемых окончаний не отличаются от прилагательных, поэтому рассматриваются нами как прилагательные (см. так же выше).

⁹ В сравнении с предшествующей традицией картина употребления односложных/двусложных окончаний в многословных конструкциях такова: в прозе Карамзина и Бестужева-Марлинского преобладают примеры со всеми двусложными окончаниями, в художественной прозе Пушкина в большинстве случаев хотя бы одна из форм таких конструкций имеет односложное окончание, в прозе Лермонтова же решительно преобладают окончания односложные — по сравнению с началом XIX в. ситуация меняется на противоположную.

преобладают односложные окончания. Картина в «Княжне Мери» оказывается ближе всего к той, что наблюдалась в письмах Пушкина к жене (см. выше, Таблица 3), близких к живому языку пушкинского круга. Таким образом, язык этой части романа — уже реалистической прозы Лермонтова — приближается в отношении распределения односложных/двусложных окончаний Т. ед. к языку образованного дворянского общества своего времени. Если в художественной прозе Пушкина односложные окончания Т. ед. вводятся с эстетической целью создания ритмической «легкости» прозаического текста, то у Лермонтова это, по всей видимости, прежде всего ориентация на отражение естественного живого употребления.

Как мы видим, по данному параметру реалистическая проза Лермонтова оказывается наиболее продвинутой в отношении отражения реального употребления рассматриваемых форм сравнительно с предшествующей литературной традицией. Обратим также внимание на значимость распределения односложных vs двусложных окончаний Т. ед. (как, вероятно, и ряда других малозаметных на первый взгляд признаков) для характеристики языка прозаических сочинений первой половины XIX века, в том числе и при решении проблемы их атрибуции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Изд. 2-е. М., 1954. 468 с.
2. Вацуро В.Э. Проза Лермонтова // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 447–449.
3. Греч Н. Практическая русская грамматика. СПб., 1827. 579 с.
4. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977. 880 с.
5. Зализняк А.А. Правило отпадения конечных гласных в русском языке // Зализняк А.А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002. С. 550–558.
6. Кукушкина О.В. Морфонология современного русского литературного языка. М., 2016. 337 с. (электронное издание).
7. Мамечков С.Г. Односложные и двусложные формы Тв. ед. в языке прозы начала XIX века: Пушкин и Марлинский // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2022. № 2 (10). С. 24–29.
8. Мамечков С.Г. О формах Творительного падежа единственного числа в прозе Н.М. Карамзина // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2023. № 4 (16). С. 17–22.
9. Мамечков С.Г., Шевелева М.Н. Об одном морфонологическом архаизме в языке прозы А.С. Пушкина (на материале «Повестей Белкина») // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания: Сборник научных и научно-методических статей. Вып. 12. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 86–97.

10. Мамечков С.Г., Шевелева М.Н. Об односложных и двусложных окончаниях Творительного падежа единственного числа в языке прозы А.С. Пушкина // Stephanos. 2020. № 3 (41). С. 9–26.
11. Русская грамматика / АН СССР. Т. I. М., 1980. 784 с.
12. Томашевский Б.В. Ритм прозы («Пиковая дама») // Томашевский Б.В. Избранные работы о стихе. СПб., 2008. С. 243–299.

REFERENCES

1. Bulakhovskii L.A. *Russkii literaturnyi yazyk pervoi poloviny XIX veka. Fonetika. Morfologiya. Udarenie. Sintaksis* [Russian Literary Language of the First Half of the 19th Century]. 2nd ed., Moscow, *Uchpedgiz Publ.*, 1954. 468 p. (In Russ.)
2. Grech N. *Prakticheskaya russkaya grammatika* [Practical Russian Grammar]. St. Petersburg, 1927, 578 p. (In Russ.)
3. Kukushkina O.V. *Morfologiya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*. [Morphology of the modern Russian literary language]. Moscow, *MSU Publishing House*, 2016. 337 p. [Electronic edition]. (In Russ.)
4. Mamechkov S.G. *Odnoslozhnye i dvuslozhnye formy Tv.ed. v yazyke prozy nachala XIX veka: Pushkin i Marlinskii* [Monosyllabic and two-syllable endings of Instrumental singular case in the language of the early 19th-century prose: Pushkin and Marlinsky], *Professorskii zhurnal. Seriya: Russkii yazyk i literatura*. [Professors' Journal. Series: Russian language and literature]. 2022, no. 2 (10), pp. 24–29. (In Russ.)
5. Mamechkov S.G. *O formakh Tvoritel'nogo padezha edinstvennogo chisla v proze N.M. Karamzina* [On the Instrumental Singular Case Forms in N.M. Karamzin's Prose], *Professorskii zhurnal. Seriya: Russkii yazyk i literatura*. [Professors' Journal. Series: Russian language and literature]. 2023, no. 4 (16), pp. 17–22. (In Russ.)
6. Mamechkov S.G., Sheveleva M.N. *Ob odnom morfonologicheskom arkhazime v yazyke prozy A.S. Pushkina (na materiale «Povestei Belkina»)* [Upon a Certain Morphological Archaism in the Language of Pushkin's Prose (based on «The Belkin Tales»)]. *Yazyk, literatura, kul'tura: Aktual'nye problemy izucheniya i prepodavaniya: Sbornik nauchnykh i nauchno-metodicheskikh statei*. 2016, Issue 12, pp. 86–97. (In Russ.)
7. Mamechkov S.G., Sheveleva M.N. *Ob odnoslozhnykh i dvuslozhnykh okonchaniyakh Tvoritel'nogo padezha edinstvennogo chisla v yazyke prozy A.S. Pushkina* [On Monosyllabic and Two-syllabic Endings of Instrumental Singular Case in Pushkin's Prose], *Stephanos Publ.*, 2020, no. 3 (41), pp. 9–26. (In Russ.)
8. *Russkaya grammatika / Akademiya nauk SSSR* [Russian Grammar. USSR Academy of Sciences]. *Nauka Publ.*, 1980, Vol. 1, Moscow, 784 p.
9. Tomashevskii B.V. *Ritm prozy («Pikovaya dama»)* [The rhythm of prose (“The Queen of Spades”)] // Selected writings on verse. St. Petersburg, *Academia Publ.*, 2008, pp. 243–299. (In Russ.)
10. Vatsuro V.E. *Proza Lermontova* [Lermontov's prose] // Lermontov Encyclopedia, *Sovetskaya entsiklopediya Publ.*, Moscow, 1981, pp. 447–449. (In Russ.)
11. Zaliznyak A.A. *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka. Slovoizmenenie* [Grammatical Dictionary of the Russian Language. Inflection]. Moscow, *Russkii yazyk Publ.*, 1977. 880 p.
12. Zaliznyak A.A. *Pravilo otpadeniya konechnykh glasnykh v russkom yazyke* [The Rule of the Apocope of Final Vowels in Russian]. Zaliznyak A.A. “*Russian Nominal Inflection*” with the Application of Selected Works on Modern Russian Language and General Linguistics. Moscow. *Yazyki Slavyanskoy Kultury Publ.*, 2002, pp. 550–558. (In Russ.)

Поступила в редакцию 22.05.2024
Принята к публикации 18.02.2025
Отредактирована 04.03.2025

Received 22.05.2024
Accepted 18.02.2025
Revised 04.03.2025

ОБ АВТОРАХ

Мамечков Степан Геннадьевич — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; mamechkov@list.ru

Шевелёва Мария Наумовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; mnsheveleva@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Stepan Mamechkov — PhD in Philology, Teaching Fellow, Department of Russian Language for Foreign Students, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; mamechkov@list.ru

Maria Sheveleva — PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; mnsheveleva@mail.ru